

Перейти по льду Днепр, даже в распутицу, для киевлян в XIX веке не было чем-то непривычным.

Однажды историк Николай Костомаров, прихватив с собой за компанию Тараса Шевченко, ходил пешком в Бровары, где продавался "участок земли, десятин во сто, с господскою усадьбой". Украинской литературе эта прогулка могла дорого стоить. На обратном пути оба классика едва не утонули в реке. "Пустились мы, - вспоминал Костомаров, - напрямик по льду через Днепр, а перед тем стояла продолжительная оттепель, и лед местами стал покрываться водою. Было темно, и мы, сбившись с дороги, попали было в полынью, но, к счастью, там была отмель, и мы ограничились тем, что страшно обмокли и прибыли домой, чуть двигаясь от холода. Только молодость и привычка к воздушным переменам, чем отличались мы оба, спасли нас от горячки".

"Енотовая шуба поддерживала меня на воде"

Каменного моста на Днепре в те времена еще не было. Каждую осень перед приходом холодов понтонный мост снимали, паромы приковывал к берегу лед, а вот ходить по нему было еще опасно. Движение по старой Черниговской дороге останавливалось. Подвоз продуктов сокращался. Цены подскакивали и, как теперь говорят, "кусались" до начала санного пути. Новая волна дороговизны накрывала киевские базары в начале весны.

Самый главный праздник - Пасха - часто приходится на распутицу. Весь город спешил на Владимирскую горку посмотреть на ледоход. Но не все радовались, глядя на него. У многих за рекой были имения, кого-то ждали за пасхальным столом, студенты спешили к

родителям. Своевольный Днепр перечеркивал их планы. Тем не менее каждый раз в Киеве находились удалцы, готовые померяться с ним силою и доказать всему миру, что гул, треск и грохот весеннего ледохода в их делах не помеха. Был ли другой такой город, где почиталось за шутку перебежать километровую полосу несущихся по реке льдин только для того, чтобы посидеть с родными за пасхальным столом на Заднепровье? В Киеве такое случалось. И нередко.

В ту самую пору, когда Шевченко с Костомаровым испытывали судьбу на талом льду Днепра, киевлянин Михаил Андрияшев (старший брат известного педагога и издателя) перемахнул через реку по льдинам, чтобы навеститься в имение к матери на Полтавщине и взглянуть на своих пчел. Обычно за ним присылали экипаж, но в этот раз река вскрылась слишком рано, и кучер явился в Киев пешком по уже подтаявшему льду. "Между тем, - пишет Андрияшев-младший, - теплота быстро увеличивалась, и ретивый пчеловод, придя на другой день вместе с кучером на берег Днепра, увидел, что лед сломан бурной рекой и льдины быстро несутся по воде. Брат вместе с кучером, не думая долго, вскакивают на несущуюся вблизи берега льдину и, перескакивая с одной льдины на другую, переправляются на другую сторону Днепра, отнесенные от Киева по течению реки верст на десять".

Когда между плывущими льдинами появлялись просветы, в молодецкие игры с Днепром вступали киевские перевозчики. Молодой чиновник Мамаев спешил на Полтавщину на именины матери. Поездка вышла необычная, можно сказать, в богатырском стиле. "Казенный перевоз, - рассказывает он, - был прекращен; но, узнав, что на другом берегу есть почтовые лошади, я отыскал рыбака, еще бодрого старика, охотно взявшегося перевезти меня через реку в своей маленькой лодке. Сам он поместился на корме и управлял веслом, а я - на носу, а мой чемодан с вещами уложили посреди лодки. Лавируя между льдин, где отталкиваясь от них, где следуя за ними, мы благополучно выбрались на чистое место, до берега было недалеко, казалось, все препятствия отстранены! Но я страшно ошибся! Предавшись беспечности и плывя по гладкой поверхности реки, мы и не заметили, как льдина поднялась со дна и опрокинула нашу лодку. И седоки, и чемодан - все полетело в воду.

Я очутился погруженным в воду и, не умея плавать, вероятно, пошел бы ко дну, но надетая на меня енотовая шуба, отдувшись около меня, как будка часового, поддерживала меня легко на воде. Старик-рыбак, нисколько не растерявшись, одной рукой ухватился за край лодки, другой за мой чемодан и, искусным движением поправив лодку, влез в нее сам, потом вытащил мой чемодан и, подъехав ко мне, вынул меня из воды. Да и было время. Шуба моя, промокнув, делалась все тяжелее и тяжелее и погружала меня в воду. Но, вероятно, молитвы моей матери, для которой я жертвовал собой, были услышаны, и я спасся от явной гибели. Перебравшись на противоположный

берег реки, я в корчме разделся, вытер тело простым вином (водкой) и отправился далее".

На обоих берегах выстраивались длинные очереди из возов и экипажей

После того как лед сходил, начиналось регулярное движение паромов - больших и малых барок (дубов). Пассажиры чувствовали себя на их борту комфортно, но время от времени река подбрасывала им сюрпризы. Самая обычная переправа через Днепр могла обернуться бедой. Однажды дуб с 20 пассажирами и тремя повозками на борту едва не пошел ко дну только потому, что в упряжке оказались полтавские лошади, не привыкшие к "большой воде", и одна из них сильно запаниковала среди реки. "Когда дуб отплыл довольно далеко от берега, - пишет очевидец, - одна из лошадей стала биться и задними ногами перескочила в воду, а передними повисла на борту судна, отстоявшем от воды не более пол-аршина; дуб стал наклоняться на бок, но, к счастью, перевозчик ударил лошадь веслом по ногам и она свалилась в воду и поплыла назад; после этого мы благополучно доплыли до противоположного берега..."

Переправы брали на откуп у городской казны или Лавры богатые горожане и казаки. Обслуживали барки солдаты-саперы из крепостного гарнизона и знаменитые киевские перевозчики, хорошо знавшие реку. Работало сразу 3-4 переправы (Магистратская - у колонны Магдебургских прав, Спасская - напротив Аскольдовой могилы, Наводницкая - у Выдубицкого монастыря и Лыбедская - у впадения этой реки в Днепр). Но все равно причалы постоянно осаждались толпами ожидающих. На обоих берегах выстраивались длинные очереди из возов и экипажей. Постоялых дворов на переправе не заводили, тем не менее пассажиры могли слегка перекусить и выпить чаю за столиками под зонтами. Более основательно подкреплялись в торговых палатках ("балаганах"), войдя в которые можно было всегда увидеть "дымящийся самовар посреди раскрасневшихся, умильно улыбающихся физиономий", что служило верной приметой торговли водкой из-под прилавка.

На переправе не принято было спешить и суетиться. Люди отдыхали от тягот пути, варили уху на кострах, любовались красотой Лавры. Богатые путешественники оставляли свои экипажи на попечение слуг, а сами отправлялись в Киев на лодках. Так было быстрее, и сама переправа в челне чем-то напоминала приятную летнюю прогулку. Петербургская фрейлина и драматург Олимпиада Шишкина посетила Киев в начале лета 1845 года. Разлив Днепра в ту весну был необычайно велик, и река только начинала входить в берега. Переправа еще не действовала. Фрейлину поразило огромное скопление народа на берегу, но еще более удивилась она, видя, как спокойно вела себя

в этой ситуации киевская публика. "У нас, на севере, - замечает она, - едва ли обошлось это без спора и крика, но здесь, в виду киевских святынь, все покорялось необходимости... Люди разного звания и разнообразно одетые сидели на повозках и на возах или спокойно прохаживались, как будто издавна привыкли так ночевать".

Олимпиада Шишкина довольно точно описала неторопливый стиль жизни на левом берегу Днепра. И этому была своя причина. Пассажиры перевоза составляли лишь часть здешней публики. Многие приезжали из города не по делу, а ради приятного речного воздуха и прогулок по роскошным заливным лугам нынешнего Гидропарка. В теплые летние дни здесь собиралось пол-Киева. Гулянья прекращались лишь с наступлением темноты. Атмосфера покоя и умиротворенности понравилась фрейлине-путешественнице. На ее взгляд, во всем Киеве едва ли сыщется что-то лучше, чем прогулка по Днепру.

Вода в Днепре была такой чистой, что ее пили, просто зачерпнув ладонью

"Если правда, - пишет Шишкина, - что какой-то англичанин приезжал в Петербург полюбоваться решеткою Летнего сада и тотчас уехал, считая себя довольно награжденным за дальний путь, то, посмотрев на Киев из-за Днепра, многие бы могли возвратиться назад". Вода в реке была в то время такая чистая, что ее пили без опаски, просто зачерпнув ладонью с кормы лодки: "Мне зачерпнули днепровской воды, она была так тепла, что я не могла ее пить, но мне было приятно ее отведать, и я с веселою, спокойною душою окунула руку в Днепр, исполненный священных воспоминаний".

Сезон ежегодной киевской распутицы и бесконечных очередей на переправе кончался обычно 29 мая. Разлив Днепра к тому времени спадал, берега просыхали и делались более доступными для экипажей. На обеих сторонах реки появлялись военные саперы. И вскоре поперек реки у старого Наводницкого причала (ныне здесь мост Патона) протягивался понтонный мост. Огромное сооружение не возводилось, а сплавлялось в виде плотов на нужное место, ставилось на якоря и прочно соединялось в одно монолитное целое.

Киевские саперы считались лучшими мостовиками империи. Во время форсирования Дуная в 1877 году генерал Драгомиров поручил им навести мост через Дунай. Выбранное генералом место считалось совершенно непригодным для переправы. Но киевские саперы посрамили лучших стратегов Европы - переправа удалась на славу. А

еще раньше киевские саперы умудрились соорудить к приезду императрицы Елизаветы такой мост, какого никто никогда не видел. Они перекинули с берега на берег огромную (почти с километр длиной) плетеную, вроде корзины, конструкцию из дерева и лозы, которая прекрасно держалась на волнах и не прогибалась при нагрузке.

"Для шествия через Днепр, - отмечалось в официальном журнале путешествия, - сделан на расстоянии 450 сажень (958 метров. - Авт.) изрядный деревянный мост, при котором ни судов (понтонных), ни железа, ни канатов, и никакого другого укрепления, кроме одного дерева и из тонких лоз сплетенных веревок, нигде употреблено не было и который при том был так тверд и плотен, что, хотя во время шествия весь он от одного конца до другого лошадьми, людьми и колясками покрыт был, однако ж не токмо никакого повреждения ему от того не учинилось, но и мокроты никакой на нем видно не было". Поверить в подобные чудеса трудно. И тем не менее перед нами - официальный документ.

Но саперы недолго удивляли киевлян своим искусством. В середине XIX века их наплавные мосты уже перестали справляться с возросшим движением через Днепр. Главный городской перевоз на Наводнице работал с большими перебоями. "Очень часто случалось так, - писал историк Киева Семеновский, - что приехавшие к левому берегу Днепра весной и осенью в бурную погоду ожидали переправы на судах несколько часов, а иногда даже сутки и более. Случалось это и в то время, когда мост был наведен, но для прохода судов часть его разводилась. Мост разведенным оставался иногда шесть и даже 12 часов, а в это время на берега Днепра стекалось в июле и августе месяцах по несколько тысяч паломников, ожидавших переправы".

Длинные очереди у причалов исчезли лишь после того, как в 1853 году на месте бывшего Спасского перевоза построили Цепной мост, опирающийся не на армейские понтоны, а на мощные гранитные быки. (Остатки камня пошли впоследствии на пьедестал памятника Богдану Хмельницкому.) Старая паромная переправа просуществовала еще некоторое время - до окончания строительства набережного шоссе. Потом ее сплывили вниз по реке, в Черкассы.

Эпоха богатырских игр киевлян с Днепром и лихих перевозчиков, эпоха волов и карет у причалов, прогулок по заливным лугам канула в вечность. Исчезли палатки, торговые балаганы. По дощатому настилу Цепного моста экипажи проносились теперь в Киев быстро, весело, с ветерком. Никому и в голову не приходило съехать на берег, собраться мыслями перед въездом в город и полюбоваться красотой лаврской панорамы. Цивилизация торжествовала. Но что ни говори, Цепной мост был всего лишь

Автор: Info КИЕВ
16.12.2012 18:48

техническим сооружением, а Днепровский перевоз - частицей многообразной киевской жизни со своими обычаями, преданиями и традициями. Когда исчез Цепной мост, его заменил другой. А вот исчезнувший мир на месте теперешнего Гидропарка уже не вернешь. Осталось лишь несколько ветхих ветел от Предмостной слободки, но скоро уйдут и они...

Анатолий МАКАРОВ исторический обозреватель